

— Отпусти! Пусти меня!

— Сяо Шань, успокойся! Не делай глупостей! — Чжишан изо всех сил вцепился в Сяо Шаня.

Покраснев от натуги, он с невероятным трудом затолкнул его во двор своего дома.

Из комнаты с любопытством высунулись маленькие головки. Чжишан крикнул:

— Брат, скорее, помоги закрыть дверь!

Ло-гэр не сразу понял, что за ссору они затеяли, и застыл на месте. Чжишан вскричал: — Да некогда объяснять! Просто делай, как я говорю! Быстрее, я его не удержу!

Лицо Сяо Шаня побагровело от ярости, глаза налились кровью, а из горла вырывался глухой рык. Он рвался наружу, желая только одного — крушить. Чжишан обхватил его за пояс, упираясь изо всех сил: — Сяо Шань! Подумай о Цинь-гэре и близнецах! С тобой ничего не должно случиться!

— Отпусти! Отпусти меня, я сказал! — проорал Сяо Шань, вытягивая шею.

Поняв, что дело серьезно, Ло-гэр быстро запер дверь. Чжишан уже успел пожалеть о том, что позволил Сяо Шаню тайком пойти посмотреть на то, что происходило у их дома. Хорошо хоть успел вовремя уволочь его, пока тот не натворил дел.

— Цинь-гэр, У-ва, Лю-ва, скорее идите сюда! Обнимите своего второго брата! — позвал Чжишан.

Трое малышей послушно подбежали и облепили Сяо Шаня со всех сторон. Цинь-гэр задрал голову и обеспокоенно спросил:

— Второй брат, что с тобой?

Увидев младших братьев, Сяо Шань немного поостыл, но в груди у него всё еще клокотала невыносимая обида и гнев.

Чжишан боялся, что дети услышат лишнее, поэтому успокаивал Сяо Шаня иносказательно:

— Сяо Шань, ты должен верить брату Цзычжоу. Он бы никогда не сделал... таких вещей по своей воле...

Сяо Шань крепко сжал кулаки. Ярость в его сердце мешалась с горьким чувством предательства, но, глядя в невинные детские глаза братьев, он вдруг ощутил яростное желание стать сильнее. Он с силой зажмурился и снова открыл глаза.

Повторив это несколько раз, он наконец глухо произнес:

— Я в порядке. Отпусти меня.

Чжишан всё еще сомневался, но руки разжал, хотя продолжал пристально следить за другом, готовый в любой миг на него наброситься, если тот сорвется. Во дворе воцарилась тишина. Вскоре Чжишан уловил снаружи топот уходящих лошадей.

Он приник к щели в воротах и через мгновение радостно воскликнул:

— Те люди уехали!

Услышав это, Сяо Шань осторожно отодвинул детей, распахнул дверь и бросился вон. Чжишан погнался за ним: — Подожди меня!

Цинь-гэр с близнецами тоже было припустили за ними на своих коротких ножках, но Ло-гэр вовремя их перехватил:

— Будьте послушными мальчиками. Скоро старший брат придет за вами.

В доме Е Цзюньшу царил суматоха. Лекарь Сун отчаянно боролся за жизнь раненого, а остальные сельчане не сидели без дела, наводя порядок в разгромленном дворе. Раны Е Цзюньшу были ужасающими — и внутренние, и внешние повреждения оказались крайне серьезными. Если бы не его привычка закалять тело и крепкое здоровье, его бы наверняка забили до смерти прямо там.

Лекарь Сун спешно останавливал кровотечение. Похоже, пилюля начала действовать: когда Сун коснулся запястья Цзычжоу, он почувствовал, что пульс стал чуть отчетливее. Видимо, те лекарства, что Е Цзюньшу раньше давал ему для изучения, действительно обладали мощным эффектом при лечении внутренних травм. Тем не менее, лекарь не смел расслабляться.

Староста Жун стоял рядом. Заметив, что нахмуренные брови лекаря Суна немного разгладились, он понял: угроза жизни миновала. Он повернулся к собравшимся односельчанам:

— Вы сами видите, какая беда в доме Цзычжоу. Прошу вас, помогите эти несколько дней — нужно дежурить по ночам и присматривать за ним.

— О чем речь, мы же соседи, — тут же отозвалась третья тетушка.

Некоторые крестьяне еще колебались, но староста сурово отрезал:

— Цзычжоу много помогал нашей деревне. Теперь, когда у него несчастье, мы должны поддержать его всем миром. Пусть днем приходят по два-три человека помогать по хозяйству, а на ночь остаются крепкие мужики для охраны.

Хотя большинство мужчин из деревни ушли на заработки, кое-кто еще оставался дома. Староста Жун всерьез опасался, не вернутся ли те люди, чтобы довершить начатое. В глубине души он сокрушался: «Кого же ты так разгневал, парень?»

Когда прибежали Сяо Шань и Чжишан, они застали во дворе тягостную картину. Несколько гэров отмывали землю, выливая ведра воды. Сяо Шань острым взглядом заметил багровые пятна, которые еще не успели смыть, и лицо его мертвенно побледнело.

— Сяо Шань вернулся... — неловко пробормотал один из гэров.

Сяо Шань, не глядя ни на кого, ворвался в дом. Он увидел Лу-гэра — голова мальчика была перебинтована, он сидел у края кровати и мелко дрожал от рыданий.

— Лу-гэр! — Сяо Шань бросился к нему. — Ты цел?

Лу-гэр хрипло выдавил: — Второй брат...

Убедившись, что кроме раны на лбу Лу-гэр невредим, Сяо Шань с облегчением выдохнул, но тут его взгляд упал на человека на кровати. Даже при том, что все раны были промыты и обработаны, в комнате стоял густой, тяжелый запах крови.

Сяо Шань покачнулся, лицо его стало белым как полотно:

— Брат!..

Староста Жун поспешил успокоить его:

— Не бойся, Сяо Шань. Жизни твоего брата ничто не угрожает.

— Брат Цзычжоу! — Чжишан втиснулся следом и, увидев ужасающее состояние Е Цзюньшу, мгновенно залился слезами.

Староста сказал еще несколько утешительных слов, а затем обратился к остальным:

— Ну всё, если дел больше нет, расходитесь по домам.

В доме остались только папа Мин и Пин-гэр — фулан старосты. Лекарь Сун тоже не отходил от постели. Он понимал, что состояние Цзычжоу слишком тяжелое и еще не стабилизировалось, поэтому в ближайшие дни он планировал дежурить здесь неотлучно.

Мин-аму хотел увести Лу-гэра, чтобы тот отдохнул, но мальчик наотрез отказался. Его опухшие, красные как орехи глаза не отрывались от лица Е Цзюньшу. Мин-аму ничего не оставалось, как пойти на кухню готовить еду и варить лекарства для обоих пострадавших.

Сознание Е Цзюньшу то угасало, то возвращалось. Он то проваливался в непроглядную тьму, то видел причудливые, странные картины, похожие на обрывки снов. Он не знал, сколько времени провел в этом забытии, пока до него не донесся отчетливый детский плач, полный ужаса. Испугавшись за малышей, он резко распахнул глаза.

«Дети!!!» Цзычжоу с трудом несколько раз моргнул, пока обстановка вокруг не обрела четкость. Он окончательно пришел в себя.

— Брат!!! — дети, которые дежурили у его постели дни и ночи напролет, первыми заметили, что он очнулся. Они радостно окружили кровать, глядя на него огромными влажными глазами. Они явно были готовы разрыдаться, но, видя беспокойство брата, лишь шмыгали носами, изо всех сил стараясь держаться мужественно.

Лу-гэр воскликнул: — Я позову лекаря Суна! — и пулей вылетел из комнаты.

Цинь-гэр сказал: — Я принесу брату попить. — И, семена короткими ножками, полез на табуретку, чтобы налить воды.

Близнецы тоже нашли себе дело: — Мы будем с братом! — И шустро забрались на кровать.

Лю-ва уселся с краю, осторожно приблизился к брату, набрал побольше воздуха в пухлые щеки и начал усердно дуть на его раны, приговаривая:

— Боль, улетай! Боль, улетай!

У-ва откуда-то раздобыл полотенце и с крайне серьезным видом принялся вытирать лоб Цзычжоу.

— У-ва позаботится о брате.

Е Цзюньшу был глубоко тронут. Глядя на детей, он чувствовал, как его сердце переполняет отеческая любовь. Определенно, он не зря баловал этих сорванцов — такая рана стоила того, чтобы так рано ощутить их заботу и преданность.

Погруженный в нежность к малышам, Е Цзюньшу не заметил странного выражения лица Сяо Шаня, который стоял поодаль, в тени угла.

В этот момент в комнату поспешно вошли лекарь Сун и Мин-аму. Увидев, что Е Цзюньшу действительно пришел в себя, папа Мин вне себя от радости принялся благодарить небо:

— Цзычжоу, ты наконец проснулся! Ты проспал целых пять дней, мы все с ума сходили от беспокойства!

Цзюньшу виновато произнес: — Простите, что доставил вам столько хлопот.

— Глупости не говори, главное — очнулся, — с нежностью ответил Мин-аму.

Лекарь Сун подошел к Е Цзюньшу, проверил его пульс, осмотрел лицо и, кивнув, произнес: — Раз пришел в себя, значит, угроза жизни миновала. Цзычжоу очнулся, теперь остается только хорошенько выхаживать его.

У Мин-аму и остальных будто гора с плеч свалилась — лишь бы всё было в порядке. — Раз всё обошлось, я пойду к себе. Не забывайте вовремя принимать лекарства и менять припарки. Если возникнут вопросы — зовите, — сказал лекарь. Он не был дома уже несколько дней, и сегодня наконец мог вернуться.

— Спасибо вам за всё, — с благодарностью прошептал Е Цзюньшу.

Лекарь Сун лишь покачал головой, подхватил сумку и вышел.

— Я провожу доктора, — бросил Сяо Шань и поспешил вслед за лекарем.

Мин-аму посмотрел на Е Цзюньшу, явно желая что-то сказать, но, глядя на полную детей кровать, промолчал. Лишь добавил:

— Пойду приготовлю рисового отвара. Ты столько проспал, должно быть, проголодался, — и тоже вышел.

Е Цзюньшу едва заметно улыбнулся. Он хотел приподняться, но сейчас это движение оказалось для него непосильной задачей. Ему удалось лишь с трудом повернуть голову к Лу-гэру, который прикорнул у края кровати. Маленькое личико, усыпанное красными пятнами, выглядело пугающе, но Е Цзюньшу смотрел в мерцающие, словно звезды, глаза Лу-гэра и находил их прекрасными.

Преодолевая боль, Цзычжоу поднял руку, желая коснуться припухшего лба брата, но Лу-гэр уже сам протянул свою маленькую ручку, осторожно перехватив ладонь брата. Цзюньшу прошептал:

— Не бойся, всё позади.

Лу-гэр всхлипнул и беззвучно кивнул.

Раз Е Цзюньшу пришел в себя, соседи, дежурившие по ночам, разошлись по своим делам — у каждого была семья, о которой нужно было заботиться. Мин-аму хотел остаться, но Цзюньшу уговорил его идти отдыхать: дома остались Чжишан и Ло-гэр, и оставлять двоих детей одних на ночь было нехорошо.

Е Цзюньшу очнулся уже под вечер. Дети, увидев, что старший брат в порядке, наконец обрели аппетит. Поев, они облепили его со всех сторон, наперебой делясь своими детскими мыслями.

— Брат так долго спал, мы никак не могли тебя разбудить, У-ва так испугался!

— Лю-ва проснулся, а брат всё еще лежал. Это потому, что «боль-улетай» не сработала?

— Это я виноват, — отвечал Цзюньшу. — Больше не буду так долго спать. Цинь-гэр, У-ва, Лю-ва, вы же вели себя хорошо?

— Очень хорошо! Мы были паиньками...

Организм еще не окреп, и, переговариваясь с малышами, Е Цзюньшу сам не заметил, как уснул вместе с ними. Возможно, из-за долгого беспамятства на следующий день он проснулся очень рано. Когда он открыл глаза, свет в комнате был еще тусклым. Должно быть, был предрассветный час, небо едва начинало светлеть. Стоило чуть шевельнуться — и всё тело отозвалось болью. Однако эта боль была терпимой, куда легче, чем вчера, когда каждое микродвижение казалось подвигом. Е Цзюньшу лишь слегка нахмурился и осмотрелся. Дети спали на кане кто как, вповалку, но удивительным образом никто из них не задел его раны. Взгляд Цзычжоу смягчился. Даже во сне на лицах детей читалась тревога, и от этого сердце щемило. «Наверняка они страшно напугались». Хоть при нем они и крепились, в беспамятстве он слышал их плач. Малыши будто разом повзрослели.

«Хм?» Е Цзюньшу принялся пересчитывать их по головам: раз, два, три, четыре... Одного не хватает. Где Сяо Шань?

Обеспокоенный, Цзычжоу попытался приподнять тяжелое тело. Как только он сел, перед глазами поплыли черные круги. Такое избиение не проходит бесследно: он потерял много крови. Если бы не предусмотрительность и те пилюли от дяди Ли, он мог бы и не выкарабкаться. Е Цзюньшу посидел немного, пока головокружение не прошло, медленно встал и, стараясь не шуметь, обулся и тихо вышел из комнаты. Он двигался как дряхлый старик — сгорбившись, медленно переставляя ноги. При каждом шаге он невольно задерживал дыхание от боли. Едва выйдя на порог, он услышал движение во дворе. Облегченно вздохнув, Цзычжоу медленно поплелся на звук.

— Сяо Шань, почему ты так рано встал? — его голос был слабым, но отчетливым.

Сяо Шань в это время отрабатывал удары во дворе — те самые, которым его учил брат. Раньше он тоже старался, но никогда не тренировался с таким ожесточением, как сейчас. Услышав голос брата, Сяо Шань замер на мгновение, но не обернулся и продолжил тренировку.

— Тренируюсь, — глухо ответил он. Помолчав, добавил: — Мне нужно в совершенстве овладеть мастерством, чтобы защищать братьев.

Е Цзюньшу улыбнулся. Сяо Шань повзрослел. С легкой грустью он подумал, что эта ситуация сильно травмировала мальчика, и сказал:

— С этим не стоит так спешить, теперь всё наладилось... Сяо Шань?

Говоря это, Е Цзюньшу машинально потянулся, чтобы погладить брата по голове. Но стоило ему коснуться его, как Сяо Шань с неистовой силой оттолкнул его руку.

Е Цзюньшу замер, не в силах осознать произошедшее: — Сяо Шань?

Мальчик опустил голову, его кулаки были сжаты до белизны суставов — казалось, он с трудом сдерживает клокочущие внутри чувства. Когда Е Цзюньшу попытался подойти ближе, Сяо Шань резко отступил на несколько шагов, увеличивая дистанцию.

— Сяо Шань, что с тобой?

Мальчик внезапно вскинул голову и с яростью прокричал в лицо брату:

— Я сам защищу братьев! И даже если мне придется умереть, я никогда не стану, как ты, — продавать брата ради собственной выгоды!

Е Цзюньшу в ужасе широко раскрыл глаза. Эти слова ударили его сильнее молнии, заставив всё его израненное тело мгновенно оцепенеть.

— Сяо... Шань...

Худые плечи Сяо Шаня мелко задрожали. Не желая больше слушать брата, он развернулся и, низко склонив голову, бросился прочь. Е Цзюньшу инстинктивно дернулся вслед за ним, но не успел сделать и пары шагов, как всё тело пронзила невыносимая боль. Он мгновенно покрылся холодным потом, а лицо его стало белым как бумага.

Цзычжоу зашелся в кашле, чувствуя на языке металлический привкус крови. «Понять Сяо Шаня можно... — с горечью подумал он. — Ведь я так боялся утечки информации, что не доверился даже старосте». Правду знали только он, Лу-гэр да Мин-аму... Для Сяо Шаня его поступок выглядел именно так.

Но всё же от этих обвинений на душе у Е Цзюньшу было невыносимо тяжело и горько. В глазах тех, кто не знал истины, он был всего лишь подлецом, который пытался продать брата, чтобы примазаться к сильным мира сего, но в итоге получил по заслугам и был жестоко избит. «Ну и пусть... лишь бы дети были в безопасности...»

Перед глазами поплыли черные круги. Цзычжоу развернулся, чтобы уйти в дом, но, едва сделав шаг, пошатнулся и бессильно сполз по стене на землю. Последним, что он услышал перед тем, как окончательно потерять сознание, был испуганный крик Лу-гэра:

— Брат?!!

От автора: Маленький театр Е Цзюньшу (жалобно): Ребенок меня не понимает, совсем не ценит моих стараний. Мне так обидно, даже говорить не хочется. Ли Юй (поглаживая кнут): Пустяки. Если ребенок не слушается — надо его просто хорошенько высечь. Е Цзюньшань (Сяо Шань): ... Е Цзюньшу: ...